

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Основатель А. А. Иозефовичъ.

Среда, 2 (15) Юля 1914 года.

А. П. ЧЕХОВЪ И М. М. ДЮКОВСКІЙ.

(Къ десятилѣтію смерти А. П. Чехова).

Въ послѣднемъ изданіи перваго тома чеховскихъ писемъ есть нѣсколько новыхъ, дополнительныхъ, и изъ нихъ до десятка къ М. М. Дюковскому.

Въ дни ранней молодости Ант. П—ча это былъ большой и хорошій другъ всей чеховской семьи, неоднократно выручавшій ихъ денежно.

Въ то время А. П—чь и его братъ Николай только что начали сотрудничать въ московскихъ юмористическихъ изданіяхъ, а Дюковскій служилъ помощникомъ инспектора въ мѣщанскомъ училищѣ, что, между прочимъ, давало А. П—чу поводъ величать его въ адресахъ «министромъ мѣщанскаго просвѣщенія».

У холостого Дюковскаго была огромная казенная квартира, въ которой изо дня въ день толкалась шумная московская молодежь, ученики живописи, среди которыхъ были Левитанъ и Николай Чеховъ; студенты, барышни.

По вечерамъ собирались, рисовали и играли въ фанты, цѣли, танцевали; процвѣталъ флиртъ. Былъ заведенъ альбомъ, Николай Чеховъ рисовалъ въ него каррикатуры, а Гиляровскій и Ант. П—чь дѣлали къ рисункамъ подписи. Душой компаніи былъ, конечно, Ант. П—чь.

Нынѣ Дюковскаго въ живыхъ уже нѣтъ, и въ Москвѣ находится его единственная дочь, Евг. Мих—на.

Мнѣ довелось познакомиться съ ней въ прошломъ году, и едва двѣ недѣли назадъ я посѣтилъ ее.

Живеть она вдали Москвы, в Халовниках, в маленьком домике у трех окон. При доме—большой двор, и на нем гуляют куры, индюки.

Дом полон уюта и милой старины, много цыганов и птиц в клетках, старинная мебель, бездушки, тяжелые бересиковые лампы.

В одном углу на почетном мѣстѣ пейзажъ Левитана—вечернее грустное небо въ облакахъ, вѣтеръ; потомъ двѣ картины большихъ размѣровъ, работы Ник. П—ча, обѣ писаны масломъ. На одной изображена плачущая дама въ траурѣ, прислонившаяся къ намогильному кресту, другая изображаетъ туляне въ Сокольникахъ. Фигурируютъ въ числѣ гуляющихъ всѣ знакомые, сюда всѣхъ шествуетъ въ котлетѣ Ант. П—чъ, изображающей липомъ и фигурой нѣчто многозначительное, себѣ на умѣ, до-нельзя комичное.

Далѣе Евг. Мих. показываетъ маленькій, истрепанный альбомъ. На каждой страницѣ его разсыпаны рисунки и наброски, все работы Ник. П—ча, тонкой, превосходной. Подъ большинствомъ изъ нихъ автографы Ант. П—ча и Гиляровскаго, уморительнаго содержания, поясняющаго рисунокъ. А въ концѣ альбома нѣсколько страницъ испещрены убористымъ, красивымъ почеркомъ Ант. П—ча. Здѣсь юмористическое разсужденіе «О правахъ и обязанностяхъ помощника инспектора» и еще: «Нѣсколько новыхъ завоеваній въ области человѣческой мысли». «Завоеванія» такіа, папригѣръ:

— Прежде, чѣмъ звать для очистки ассенизаціонный обозъ, очисти свою душу, Или на злобу дня,—привѣдь балерины Цукки:

— Если у танцовщицы Цукки родится сынъ, то это будетъ цуккиный сынъ.

Очень интересно прослѣдить на автографахъ, какъ жестоко приходилось сражаться съ цѣломудренной цензурой этихъ лѣтъ братьямъ Чеховымъ.

Среди безчисленной груды рисунковъ и этюдовъ Николая Чехова попадается много съ комментаріями Антона. Сейчас же можешь ихъ найти уже и напечатанными въ лежащемъ рядомъ истрепанномъ «Зрителѣ». Но вотъ одинъ съ двумя подписями рукой самого А. П—ча. Обѣ онѣ перечеркнуты синимъ, а уже незнакомый почеркъ гласитъ: «Рисункомъ дозволено». Цензоръ такой-то». Изображены двѣ барышни въ маскарадныхъ костюмахъ—маркизъ и маркиза. Смыслъ обѣихъ подписей таковъ:—Какъ жаль, сестренка, что ты не мужчина, я была бы тогда безъ ума отъ тебя». И только. Что написелъ непристойнаго цензоръ въ этихъ строкахъ, такъ и неизвѣстно, тѣмъ не менѣе, синій карандашъ прошелся по нимъ и уничтожилъ.

Изъ числа многихъ писемъ Ант. П—ча къ Дюковскому позволяю себѣ привести нижеслѣдующее.

Скорбное и грустное, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанное. Написано оно скорѣе послѣ смерти Николая и являетъ собою изумительный образчикъ эстетическаго творчества.

Вотъ оно полностью:

«24 іюня.

Отвѣчаю, милый Михаилъ Михайловичъ, на Ваше письмо.

Николай выѣхалъ изъ Москвы уже съ тахоткой.

Развязка представлялась ясною, хотя и не столь близкой.

Съ каждымъ днемъ здоровье его становилось хуже и хуже, и въ послѣднія недѣли Николай не жилъ, а страдалъ: спалъ сидя, не переставая кашлять, задыхался и проч.

Если въ прошломъ и были какія вины, то всѣ онѣ сторицею искупались этими страданіями.

Сначала онъ много сердился, болѣзненно раздражался, но за мѣсяцъ до смерти сталъ кротокъ, ласковъ и необыкновенно степененъ.

Все время мечталъ о томъ, какъ выздороветь и начесть писать красками. Часто говорилъ о Васѣ и о своихъ отношеніяхъ къ Вамъ.

Воспоминанія были его чуть-ли не единственнымъ удовольствіемъ.

За недѣлю до смерти онъ приобщился. Умеръ въ полномъ сознаніи.

Смерти онъ не ждалъ; по крайней мѣрѣ, ни разу не заикнулся о ней.

Въ гробу лежалъ онъ съ прекраснѣйшимъ выраженіемъ лица.

Мы сняли фотографію. Не знаю, передастъ ли фотографіи это выраженіе.

Похороны были великолѣпныя. По южному обычаю несли его въ церковь и изъ церкви на кладбище на рукахъ, безъ факельщиковъ и безъ мрачной колесницы, съ хоругвями, въ открытомъ гробу.

Крышку несли дѣвушки, а гробъ мы. Въ церкви, пока несли, звонили. Погребли на деревенскомъ кладбищѣ, очень уютномъ и тихомъ, гдѣ постоянно поютъ птицы и пахнетъ медовой травой.

Тотчасъ же послѣ похоронъ поставили крестъ, который виденъ далеко съ поля. Завтра девятый день. Будемъ служить панихиду.

Вся семья благодаритъ Васъ за письмо, а мать, читая его, плакала.

Вообще грустно, голубчикъ.

Очень радъ, что вы женитесь.

Поздравляю и желаю всего того, что принято желать при женитьбѣ.

Я написалъ Вамъ коротко, потому что сюжетъ слишкомъ длинный, не поддающийся описанію на двухъ—трехъ листахъ.

Подробности расскажу при свиданіи, а пока будьте здоровы и счастливы.

Вся моя фамилія Вамъ кланяется.

Вашъ А. Чеховъ».

Н. Турбинъ.